

Ю. В. С Т Е Н Н И К

**ТРАДИЦИИ ТОРЖЕСТВЕННОЙ ОДЫ XVIII ВЕКА
В ЛИРИКЕ ПУШКИНА ПЕРИОДА ЮЖНОЙ ССЫЛКИ**

(«Наполеон»)

Есть одна историческая тема, неизменно вызывавшая в лирике Пушкина обращение к одическому жанру. Это тема войны 1812 г., героический момент борьбы России с нашествием армий Наполеона.

Первый раз события Отечественной войны 1812 г. привлекли внимание Пушкина в Лицее. Молодой поэт обращался к теме по горячим следам в стихотворениях «Воспоминания в Царском Селе», «Александрю» и др. Поэт-лицеист верно уловил те возможности, какие давала русская торжественная ода XVIII в. для воссоздания атмосферы подъема национальных чувств, и он стилизовал в своих стихах отдельные элементы одической системы, подражая авторитетам прошлого.

События войны 1812 г. привлекут пристальное внимание Пушкина и позднее, в период польского восстания 1830—1831 гг. Поэт откликнется на него циклом стихотворений («Бородинская годовщина», «Клеветникам России», «Перед гробницею святой»). Традиции торжественной оды XVIII в. вновь оживут в этом цикле. И функциональный смысл обращения Пушкина к одической поэзии предшествовавшего, славного своими военными победами века также объясняется пафосом, составлявшим содержание стихотворений этого цикла.

Промежуточным звеном между двумя обозначенными вехами являются два стихотворения периода пребывания поэта на юге: «Наполеон» и «Недвижный страж дремал...». В обоих происходит переосмысление ранних пушкинских оценок личности Наполеона и его роли в исторических судьбах России. Здесь же одновременно намечается существенная в кругу исторических размышлений поэта проблема отношений России и Европы. И в обоих случаях поэтический строй стихотворений демонстрирует отчетливые признаки восприятия традиций торжественной оды XVIII в.

Обращение Пушкина к теме Наполеона летом 1821 г. было, по-видимому, вызвано непосредственно получением известия

о смерти великого полководца. Но обстановка, в которой поэт создает свои стихотворения, по сравнению с лицейским периодом творчества коренным образом изменилась.¹ Находясь в ссылке, Пушкин переживает кратковременное увлечение романтизмом Байрона. Образ сосланного Наполеона наполняется теперь ассоциациями, которых не могло быть у лицейца Пушкина. И в содержании стихотворения отчетливо прослеживается полемика с теми официозными откликами на смерть Наполеона, которые появились в русской периодической печати.

Так, в июльском номере «Вестника Европы» за 1821 г. М. Т. Каченовским были опубликованы «Выписки о Буонапарте» как отклик на смерть Наполеона.² «Выписки» представляли собой перевод отрывков из книги Ж. де Сталь «Dix années d'exil» («Десять лет изгнания»), вышедшей в числе посмертно изданных сочинений писательницы в 1821 г. Приведенные в статье выдержки из книги де Сталь, как и сопроводительные замечания издателя «Вестника Европы», явно служили цели дискредитации Наполеона и всего, что могло вызывать в памяти современников это имя.

Сами по себе отзывы мадам де Сталь о Наполеоне во многом были близки к оценке личности этого человека, какую мы находим у Пушкина в его стихотворении. «Ни прошедшее, ни будущее для него (Наполеона, — Ю. С.) не существует; властолюбивая, все презирающая душа его ничего не хочет признавать священным во мнении; он уважает одну лишь настоящую силу».³ Но это была лишь одна сторона вопроса. Мадам де Сталь писала свои мемуары по личным впечатлениям еще при жизни Наполеона, и конечно ее оценка личности этого деятеля определялась в первую очередь ее особым отношением к политическим акциям самозванного императора Франции. Со смертью Наполеона положение менялось. Попытка понять историческое значение Наполеона неизменно вела к восстановлению в памяти событий, породивших его появление. В свете будораживших Европу тех лет революционных выступлений отношение к Наполеону становилось критерием для оценки политических убеждений. И когда Каченовский в своей публикации ограничивался в основном отзывами де Сталь о недостатках внешности и манер Наполеона, а также ее впечатлениями от казни герцога Энгиенского, преподнося это русским читателям в качестве своеобразного некролога на смерть Наполеона, Пушкин не мог быть согласен с подобной оценкой. Видимо, одним из внутренних побудительных мотивов для переосмысления значения Наполеона было для Пушкина его несогласие с трактовкой личности Наполеона подобной той, какая

¹ Вопрос об отношении Пушкина к Наполеону в этих стихотворениях уже являлся предметом внимания Б. Г. Реизова в его статье «Пушкин и Наполеон». — Русская литература, 1966, № 4, с. 49—58.

² Вестник Европы, 1821, т. CXVIII, № 13, с. 204—210.

³ Там же, с. 206.

распространялась «Вестником Европы», тем более что такая точка зрения разделялась не одним издателем этого журнала.

Другим откликом на это событие, правда несколько запоздалым, явилось опубликованное в октябрьском номере «Сына отечества» стихотворение Ф. Н. Глинки «Судьба Наполеона». Пафос его — утверждение бессмысленности всего содеянного Наполеоном.⁴ Оценка личности Наполеона в стихотворении Ф. Н. Глинки, конечно, существенно иная по сравнению с явно предвзятой точкой зрения Каченовского. Но и им возможность позитивного подхода к пониманию исторической роли Наполеона по существу отрицается. К этим запоздалым патриотам, по-видимому, и было обращено восклицание поэта в заключительной строфе стихотворения:

Да будет омрачен позором
Тот малодушный, кто в сей день
Безумным возмутит укором
Его развенчанную тень!

Пушкин получил известие о смерти Наполеона в июле 1821 г. «18 juillet 1821 nouvelle de la mort de Napoléon»⁵ — записывает он в тетради. Тогда же, по-видимому, поэт приступил к работе над стихотворением. набросанный между первыми строфами прозаический план стихотворения дает общие контуры развития его идеи, оставшиеся почти без изменения в процессе завершения. Но основное время работы над первой редакцией «Наполеона» приходится на сентябрь—ноябрь 1821 г.⁶ К этому времени Пушкин мог прочесть и стихотворение Ф. Глинки. Так ли уж бессмысленно было все содеянное Наполеоном? Пушкин дает свой ответ на этот вопрос.

Время создания «Наполеона» знаменуется расцветом пушкинского романтизма. И это накладывает отпечаток на поэтический стиль стихотворения. Черты жанрового канона оды не составляют доминанты в художественной системе произведения. По существу в нем своеобразно сочетаются две стилистические струи, восходящие к различным истокам. Такое раздвоение вытекает из идеи произведения. Само отношение Пушкина к Наполеону не укладывается в рамки однозначной оценки. Эта многоаспектность оценки и порождает своеобразную многостильность стихотворения:

Чудесный жребий совершился:
Угас великий человек.
В неволе мрачной закатился
Наполеона грозный век.

⁴ Сын отечества, 1821, ч. 73, № XVI, с. 35—36.

⁵ Рукою Пушкина. М.—Л., 1935, с. 292.

⁶ Известие о завершении работы Пушкина над первоначальной редакцией стихотворения содержится в письме Е. Н. Орловой к А. Н. Раевскому от 12 ноября 1821 года — см. в кн.: Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. I. М., 1951, с. 316.

Исчез властитель осужденный,
Могучий баловень побед,
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настает.

Такова начальная строфа. Два первых стиха как бы подчеркивают масштабность случившегося и предопределяют своеобразную торжественность стиля всей строфы. Но о наличии воздействия традиций торжественной оды XVIII в. в первой строфе говорить еще нельзя. Мы видим в стихах Пушкина отчетливое влияние Байрона с грандиозностью его поэтических образов, с его гиперболизацией духа отторгнутой миром личности. «Игнанник вселенной», «могучий баловень побед» — вот формулы, должныствующие воссоздать облик Наполеона. Космизм мировосприятия, насыщенный элементами пессимизма, фаталистической веры в предначертанность мировых судеб («Чудесный жребий совершился. . .»), — все это в приведенной строфе принадлежит объективно к романтическому методу английского поэта. И в этом стилистическом ключе выдержаны первые строфы, посвященные непосредственно личности Наполеона.

Двойственность поэтического строя стихотворения начинает ощущаться со второй строфы:

О ты, чьей памятью кровавой
Мир долго, долго будет полн,
Приосенен твоею славой,
Почий среди пустынных волн!

Пушкин здесь по существу довольно точно воспроизводит интонационно-синтаксическую схему традиционной для панегирической поэзии XVIII в. усложненной фигуры риторического призыва — восклицания, когда предикативный член, будучи отнесен на самый конец фразы, отделен от субъекта, предваряясь целой цепью придаточных определительных и дополнительных предложений, причастных и деепричастных оборотов и других распространений.⁷

Своеобразие приведенных пушкинских стихов состоит в том, что традиционная для оды синтаксическая фигура оказывается

⁷ Достаточно вспомнить широко известное место из оды Ломоносова «На восшествие на престол Елисаветы Петровны. . .» (1747) — «О вы, которых ожидает Отечество из недр своих. . .» или аналогичный ход из оды В. Петрова «На сочинение нового уложения» (1765):

О ты, который земнородных
Щасливо общество нарек,
Где царь исполнен превосходных
Даров, ведет свой мудро век,
.
Возстань, Платон, и посмотри, —

Соч. В. Петрова, ч. I. СПб., 1811, с. 26.

лексически выдержанной в русле романтической поэтики. Так происходит совмещение в одном произведении двух систем художественного освоения мира. Такая двойственность как бы задана самим осмыслением личности Наполеона. Риторический призыв к почившему герою начала второй строфы сменяется спокойной примирительной тирадой, содержащей одновременно и оценку деяний Наполеона:

Великолепная могила...
Над урной, где твой прах лежит,
Народов ненависть почил
И луч бессмертия горит.

Это сочетание «бессмертия» и «ненависти народов» знаменует новый диалектический подход Пушкина к оценке исторической роли Наполеона. «Герой» и «тиран» одновременно — таковы аспекты оценки. С точки зрения понимания художественной структуры произведения данные два аспекта личности Наполеона и обуславливают возможность одновременного сочетания романтической (идушей от Байрона) и одической (национальной в своих истоках) поэтических систем. Наполеон — «могучий баловень побед», «великий человек», «изгнанник вселенной» окружен героическим ореолом. И здесь ключ для понимания роли романтической поэтики, в которой выдерживается эта сторона его личности. Но Наполеон — «надменный» завоеватель, уничтоживший свободу Франции, пошедший войной на Россию, — «тиран». И в решении темы Наполеона с подобной позиции поэтическая доминанта определяется жанровым канонам русской торжественной оды.

С третьей строфы поэтический строй стихотворения почти полностью переключается в русле использования одического жанрового канона:

Давно ль орлы твои летали
Над обесславленной землей?
Давно ли царства упадали
При громах силы роковой?

Гиперболизм метафор, теперь уже несущий в себе отчетливые черты системы тропики высокого стиля оды («царства упадали при громах силы», уподобление одержанных военных побед орлиному полету), органично сочетается с воспроизведением типичного для оды приема интонационно-синтаксического параллелизма. Всякий раз, когда Пушкин переходит к осмыслению Наполеона-завоевателя, определяющей стихией поэтического строя стихотворения становится художественная система жанра оды.

Несколько усложняется положение в 4—5-й строфах. Стилистическая окраска стиха вновь меняется. Обращение к предыстории появления Наполеона, воскрешение атмосферы событий французской революции 1789 г. оживляют фразеологию вольно-

любивой лирики Пушкина конца 1810-х годов. Исследователи уже отмечали пересмотр Пушкиным в этих строфах своих прежних оценок революции.⁸ В политической обстановке начала 1820-х годов Пушкин приветствует революцию. «Человечество», «надежда», «волнение бурь народных», «площадь мятежная», «свободы яркий день», «рабство» — вот акцентные «слова-сигналы», формирующие стилистическую тональность стихов данных строф. Интонационный строй оды сохраняется, но фразеологический контекст определяется здесь комплексом традиций XVIII в., которые были восприняты Пушкиным ранее при создании оды «Вольность».

Вновь воздействие стилистического канона торжественной оды на поэтическую структуру стихотворения проявляется с 8-й строфы. Пушкин переходит к центральной части произведения, основу содержания которой составляет тема «Наполеон и Россия».

Мы видим, как снова меняется фразеологическая окраска стиха. «И се...», «росс», «колосс», «тиран», метафорическое уподобление «ступил на грудь ее Европы» — все это уже знаки, традиционные формулы панегирических гимнов победам русского оружия в одах XVIII в., Державина и Петрова. В батальных описаниях еще чувствуются следы стилизаций лицейского периода. Но в то же время здесь уже зарождается стиль патриотических стихотворений Пушкина 1830—1831-х годов. Романтический ореол вокруг имени Наполеона первых строф сменяется теперь типичной для оды формулой «тиран»:

И все, как буря, зашумело;
Европа свой расторгла плен;
Во след тирану полетело,
Как гром, проклятие племен.

«Проклятие племен» и знаменует ту «ненависть народов», почившую над урной с прахом Наполеона. И в этих строфах присутствие одической традиции закономерно подсказано патриотическим пафосом, пронизывающим концовку стихотворения. Последняя строфа содержит окончательную оценку значения Наполеона для исторических судеб России, оценку, которая у Пушкина уже не менялась в дальнейшем («Хвала!.. Он Русскому народу Высочайший жребий указал...»).

⁸ См.: Томашевский Б. В. Пушкин, кн. I. М.—Л., 1956, с. 558—559.